

Глава 1

Тема: как найти свои дебаты

Утром в январский понедельник 2007 года, через два-три месяца после окончания начальной школы, зеленые ворота входа в среднюю школу Баркер-колледжа стали для меня порталом в новый мир. Для меня и других двенадцатилетних ребят в тот первый день в средней школе контраст между тем, как было прежде, и тем, что мы увидели теперь, был разительным. Раньше мои одноклассники, бывало, носились по игровой площадке в чем попало, лишь отдаленно напоминавшем школьную форму, а в этом кампусе ученики, одетые в накрахмаленные белые рубашки, выглядели словно с иллюстрации из брошюры приемной комиссии. Территория моей предыдущей школы была очень растянутой, с укромными уголками, а ухоженный кампус средней школы для мальчиков, в которой я теперь оказался, намекал на конкретный порядок вещей — и у меня были веские причины побыстрее его изучить.

Уже к обеду я понял, что задача эта не из простых. В школе, где учились две тысячи мальчишек, не имело смысла говорить о каком-то одном порядке вещей; их было много. Уроки соответствовали одному набору ожиданий — ученики обращались к учителям «сэр» и «мисс» и, прося слово, вежливо поднимали руку, — а снаружи, на игровой площадке, царили правила джунглей. В светлом атриуме музыкального корпуса школьники вели себя по-одному, а в пропахших плесенью раздевалках спортзала

Оглавление

Введение	9
Глава 1. Тема: как найти свои дебаты	23
Глава 2. Аргумент: как доказать свою правоту	57
Глава 3. Опровержение: как дать отпор	91
Глава 4. Риторика: как тронуть слушателя за душу	127
Глава 5. Тишина: как понять, что пора выразить несогласие	165
Глава 6. Самозащита: как защищаться от задир	207
Глава 7. Образование: как воспитать граждан	240
Глава 8. Взаимоотношения: как оставаться вместе в борьбе	269
Глава 9. Технологии: дебаты будущего	298
Заключение	327
Благодарности	334
Примечания	337

совершенно по-другому. Словом, место это было настоящим калейдоскопом разных ожиданий.

Надо сказать, за три с половиной года жизни в Австралии я превратился в отличный переключатель кода. Я научился ловко переходить с душевного языка, принятого у нас дома, на веселый и поверхностный разговорный, который приветствовался в начальной школе. Однако в средней школе Баркер-колледжа я столкнулся с проблемой, потому что никак не мог разобраться в здешних правилах и кодах. Какие шутки тут уместны и в каких ситуациях? Насколько стоит раскрываться и кому именно? Я пытался ответить на эти вопросы, но только спотыкался об очередные проблемы.

В те первые недели в новой школе я не замкнулся в молчаливом одиночестве, а искал и находил утешение везде, где мог. В классе я оказался в компании немногословных и приятных в общении юных австралийцев, которых звали — оцените изящество аллитерации — Джим, Джон и Джейк. Самые амбициозные одноклассники перли напролом, используя любое общение для того, чтобы самоутвердиться и убедить других в своей точке зрения, а наша группа, казалось, полностью мирилась с создавшимся статус-кво. На большой перемене мы скидывались на коробку горячих чипсов из кебабной — это главная австралийская еда навынос — и съедали их, обмениваясь буквально несколькими словами.

И чего я уж точно никогда не говорил новым друзьям, так это того, что пришел в эту школу с максимально конкретной целью — вступить в местную команду по дебатам. После первого опыта состязательных дебатов в пятом классе я имел возможность принимать в них участие лишь время от времени. Но я знал, что в средних и старших школах Сиднея культура дебатов весьма развита и в большинстве из них есть команды, которые каждую неделю состязаются друг с другом. Надо сказать, дебаты занимали в жизни школ довольно странное место. Подобно шахматам или викторинам, они предоставляли доступ к соревновательным видам

деятельности для не особенно спортивных детей, но, в отличие от других мероприятий в закрытом помещении, пользовались популярностью благодаря отличной репутации знаменитых выпускников, когда-то членов школьных дискуссионных клубов.

В школе Баркер-колледжа на тренировку по дебатам, проходившую по средам во второй половине дня, мог прийти любой желающий, но по вечерам в пятницу представляла школу в каждой группе местной лиги только одна команда из четырех учеников. Чтобы тебя в нее включили, нужно было пройти прослушивание. В первую неделю февраля, в преддверии этого «экзамена», я попытался было хоть что-нибудь о нем разузнать — «дружище, а что там за прослушивание для дебатов?» — но, кажется, кроме меня, это никого не интересовало. И я решил, что, скорее всего, пройти в команду будет проще простого. Спасибо спорту и другим крутым занятиям.

Как оказалось, я ошибался: на первый этап прослушивания, начало которого было назначено на четыре часа в четверг, пришло более тридцати ребят. Комната с белыми стенами на верхнем этаже корпуса английского языка и литературы напоминала внутренность холодильника, и не только внешним видом; ученики, одетые легко, соответственно уличной жаре, входя в нее по одному или парами, тут же начинали дрожать от холода. Председателем комиссии по прослушиванию была мисс Тиллман, учительница истории, дама весьма стоического характера.

Мисс Тиллман объяснила, что прослушивание не предполагает полноценных дебатов. Вместо этого каждому кандидату будет предложена тема, задана сторона (утверждающая или отрицающая) и дано полчаса на подготовку речи, которая должна содержать два аргумента за или против, сообразно назначенной позиции. В начальной школе мы готовились к дебатам несколько недель, при желании с помощью учителей и интернета, а теперь предстояло действовать в одиночку, да еще и вписаться в установленный, причем весьма жесткий, лимит времени. «Такой

формат прослушивания, конечно, не скажет судьям всего о кандидатах, — сообщила мисс Тиллман, — но позволит оценить вашу... реакцию».

В ожидании начала прослушивания я сделал еще одно важное открытие: некоторые соискатели на место в команде выглядели на редкость уверенными в своих шансах на победу. Ребята, которые учились в школе Баркер-колледжа с третьего класса, с присущей двенадцатилетним «деликатностью» всем видом показывали, что они были успешными участниками дебатов на предыдущем возрастном уровне и намерены продолжить свой славный путь. «Мы добились успеха на юниорской трассе и рассчитываем на продолжение забега», — так и заявил один из них, прежде чем окинуть комнату уверенным взглядом в поисках понимания на лицах окружающих.

И тут я услышал, как мисс Тиллман называет мое имя. Уж не хочет ли она дать мне какие-то дополнительные инструкции или, может, лишний раз подбодрить? Но учительница вручила мне белый конверт, в котором лежал листок бумаги с несколькими написанными от руки словами: «Призыв на военную службу должен быть обязательным. Утверждающая сторона».

Стоило мне прочесть последнее слово — и пошло-поехало. Я и до получения конверта был словно заряжен какой-то потенциальной энергией — разум кипел в ожидании темы; дикое напряжение, требующее выхода, — а теперь комнатка без окон, в которую меня отправили готовиться, казалось, потрескивала от заряда грядущих событий. Я нашел опыт подготовки к дебатам на удивление раскрепощающим. Назначенная тема словно перенесла меня в новую среду и присвоила мне новую личность. Из двенадцатилетнего подростка, неуверенного в себе и в том, чего от него ожидают окружающие, я превратился в кого-то вроде адвоката в совещательной комнате.

Тот факт, что у меня не было четкого мнения по теме, за которую предстояло ратовать, парадоксальным образом только усиливал

это ощущение свободы. Было легко играть с идеями, не будучи обремененным ожиданиями относительно последовательности доводов или глубокой убежденности в их правоте (я ведь сторону не выбирал), и исследовать каждый темный уголок спорных аспектов (тему тоже не выбирал). Обдумывание *темы* — всегда движение, и именно это я остро чувствовал в те полчаса подготовки.

Потом мисс Тиллман постучала в дверь моей комнатухи и вернула меня с небес на землю. В комнате для прослушивания за длинным столом сидела комиссия из трех преподавателей. Один из них, пухленький учитель биологии, с которым я познакомился на этапе ориентации, еще как-то старался выглядеть приветливым и сочувствующим, но остальные сидели с серыми от усталости лицами; мы их уже порядком достали.

Я остановился в центре комнаты и сфокусировал взгляд между лицами двух членов комиссии — этакая суррогатная форма зрительного контакта, которая, как я надеялся, сойдет за этот самый контакт. И начал свою речь: «Каждый гражданин обязан обеспечивать безопасность своей страны. Это наш долг. Если граждане выполняют этот долг, идя на военную службу, мы получаем более сплоченное общество и более боеспособную армию, жизнь наша становится более счастливой». Из-за нервозности и желания быть замеченным я с каждым словом повышал тон и громкость. Скоро я уже чуть ли не орал во всю глотку — и, поняв это, в следующую минуту пытался сбавить тон.

В подготовленной мной речи было два главных пункта: что служба в армии — долг каждого гражданина и что это способствует повышению уровня безопасности нации. По правде говоря, это больше напоминало бессвязную и страстную мольбу, чем речь на дебатах (что бы это ни значило). В один из самых душевраздирающих моментов я буквально взмолился: «Загляните же в свои сердца и спросите, каков ваш долг перед согражданами!» И все же я чувствовал, что некоторые из моих тезисов о важности обязательной военной службы для национальной безопасности

произвели на судей нужное впечатление. Когда я говорил о том, что политические лидеры должны нести бóльшую ответственность за успех военных операций, одна из судей, измученных предыдущими спикерами, кажется, даже ненадолго вышла из ступора. Если другие выступающие в моем временном слоте и были хороши, то явно не настолько. Я чувствовал, что у меня появился шанс на победу.

На следующий день вскоре после начала большой перемены на школьной доске объявлений возле столовой появилось объявление: «**Команда по дебатам — год седьмой**». Последним в списке стояло мое имя; группе предлагалось в среду в четыре часа явиться на первую тренировку с инструктором. Это объявление показалось мне билетом туда, где я никогда прежде не бывал.

То, что наш тренер, долговязый студент по имени Саймон, был одним из самых успешных участников дебатов Баркер-колледжа в группе своего года, казалось невероятным. Он стоял перед нами с лицом цвета гранатовых зерен — таким же пунцовым и пятнистым. И голос его потрескивал от неуверенности в себе.

Ровно в четыре в среду, почти через неделю после прослушивания, с десятков ребят собрались в той же комнате-«холодильнике». Четверо новичков, только отобранных в команду, — Стюарт, Макс, Натан и я — сидели группкой, но почти не общались друг с другом, разве что обменялись приветствиями. Из этих ребят я больше всех симпатизировал Натану, чувствительному пареньку, на мой взгляд похожему на ученого-натуралиста. Никто из нас не осознавал того пугающего факта, что до старта чемпионата лиги осталось лишь две недели.

Затем началась тренировка, и я стал свидетелем удивительной трансформации. Все еще стоявший у доски Саймон, рассказывая

о дебатах, казалось, превратился в другого человека. Какая-то внутренняя сила теперь наполняла его позу и уверенно завершала его слова. Лицо по-прежнему было красным, но краснота приобрела более живой оттенок. Сняв колпачок с маркера, Саймон повернулся к доске и написал на ней одно-единственное слово — *тема*.

«Вспомните свой последний спор, с кем угодно, — сказал он. — Вспомните его в максимальных подробностях: как все выглядело вокруг в это время суток, какие высказывались доводы, аргументы или, возможно, оскорбления. Теперь запишите вопрос: о чем вы тогда спорили?»

Я тут же подумал о веренице споров со старым другом из начальной школы, который теперь учился в средней школе на другом конце города. Я неплохо помнил, о чем мы с ним говорили, но вдруг обнаружил, что мне трудно ответить на вопрос Саймона. Иногда я вообще не мог вспомнить, из-за чего разгорелся сыр-бор. Это как с ночными кошмарами: суть испарилась, осталось лишь противное послевкусие. Но были и другие раздоры, которые я помнил слишком хорошо. Обычно все начиналось с какого-то банального противоречия, после чего появлялись новые поводы для спора — очередные расхождения в мнениях, подозрения в пренебрежении друг к другу, прошлые обиды, — и любой из них можно было представить как его причину.

«Это большая проблема. Если не знаешь предмета спора, как решить, что говорить или чего не говорить, на чем настаивать, а что пропустить и хочешь ли ты вообще об этом спорить?»

Далее тренер Саймон сослался на исследования социологов и лингвистов, в которых утверждалось, что людям проще «говорить как будто на конкретную тему», на самом деле уходя от нее. Иначе говоря, мы создаем впечатление соответствия своих слов нужной теме — обычно с помощью вербальных сигналов вроде «что касается этого вопроса», — хотя на деле незаметно меняем ее. А поскольку большинство из нас предпочитают живую, свободную

беседу, мы редко стараемся целенаправленно и осознанно обдумывать, о чем идет речь. «В итоге мы дрейфуем в разные стороны, охватывая множество разных тем и направлений и все дальше уходя от решения вопроса», — сказал Саймон.

«Но участники дебатов поступают с точностью до наоборот. Каждый раунд начинается с темы. Это первое, что мы, участники дебатов, пишем в своих блокнотах и на доске в комнате для подготовки. Считайте это актом присвоения имени: мы называем свое разногласие, а вместе с тем и цель, ради которой собрались».

Следующие два часа Саймон рассказывал нам о темах и поведал о них больше, чем мне казалось возможным — и нормальным. По его словам, тема — это краткая формулировка основного момента, по которому двое или более людей расходятся во мнении, например:

Джейн — ненадежная подруга.

Правительство не должно спасать крупные банки.

Проверить, подходит ли то или иное утверждение в качестве темы для дебатов, просто: надо записать его в форме отрицания (если исходно это отрицание — в форме утверждения).

Джейн — ненадежная подруга	Джейн не ненадежная подруга
----------------------------	-----------------------------

Правительство не должно спасать крупные банки	Правительство должно спасать крупные банки
--	---

Надо, чтобы обе стороны дебатов могли сказать, что эти формулировки точно описывают то, во что верят они и их оппоненты.

Но главная, определяющая характеристика темы для дебатов — удовлетворенность ею обеих сторон. Всеобъемлющая предметная область, например «экономика» или «здравоохранение», не может быть такой темой, поскольку она не выражает ничего конкретного, что можно обсудить. Темой дебатов не может быть и чисто

субъективное мнение, например «Мне холодно», ведь другой человек не может возразить, заявив: «Нет, тебе не холодно».

В целом люди расходятся во мнениях по моментам трех типов — факты, субъективные суждения и предписания, — и каждый из них порождает споры своего вида.

Разногласия по фактам сфокусированы на заявлениях о фактическом состоянии дел. Они принимают форму «X — это Y», где X, и Y — эмпирически наблюдаемые характеристики мира.

Лагос — это мегаполис.

Уровень преступности в Париже в 2014 году ниже, чем в 2016 году.

Разногласия второго типа касаются наших субъективных суждений о мире — каков он есть или каким должен быть, на наш взгляд. Они имеют форму вроде «А следует считать B» или «У нас есть веские основания полагать, что A есть B».

Ложь аморальна (таковой ее следует считать).

(У нас есть веские основания полагать, что) завтра будет лучше, чем сегодня.

Третий тип, разногласия на основе предписаний, касается того, что мы должны делать. Они обычно встречаются в форме «C должен D», где C — действующее лицо, а D — некое действие.

Наша семья должна купить абонемент в спортзал.

Государство не должно ограничивать свободу слова.

Я слушал Саймона, и мне было ужасно интересно, но к концу тренировки я испытывал и немалое разочарование. Вместо секретных стратегий и беспроигрышных приемов нам рассказали о классификации и системе; вместо того чтобы оттачивать полезные навыки, мы просто что-то записывали в блокноты.